

УДК 330.83

И. А. Благих, Ж. В. Громова

Н. Х. БУНГЕ КАК ЭКОНОМИСТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В истории России, да и, наверное, других крупных европейских держав, редким случаем является назначение ученого, профессионально занимающегося экономической наукой, на пост премьер-министра. Еще реже бывает, когда подобное назначение оказывается удачным и оправдывает себя. В дореволюционной России такой факт был единственным и связан он с личностью Николая Христиановича Бунге (1823–1895) — профессора политической экономии, академика Императорской Академии наук (1859–1895), председателя Комитета министров (1887–1895), министра финансов (1881–1887).

Научная и государственная деятельность Н. Х. Бунге многогранна. Им написаны труды по теоретической экономике [1]–[16], когда он был университетским профессором и академиком, им же произнесены речи в Государственном совете и составлены докладные записки Александру III в бытность министром финансов и председателем Комитета министров.

Под его руководством были разработаны важные правительственные указы по экономической политике. Кроме того, Николай Христианович оставил известные «Загробные заметки», своего рода «политико-экономическое завещание», над которым он работал, одновременно завершая свой последний историко-экономический труд — «Очерки политико-экономической литературы» (1895).

К сожалению, Н. Х. Бунге как ученому и государственному деятелю в отечественной литературе уделено недостаточное внимание. Экономические взгляды Н. Х. Бунге впервые были отображены в статье С. Загорского, специально написанной в 1893 г. для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [17, с. 529]. Автор статьи полагал, что в экономических воззрениях Бунге «придерживался эклектической точки зрения». В XXI в. сложно судить, что понимали под «эклектической точкой зрения» в XIX столетии.

Иван Алексеевич БЛАГИХ — д-р экон. наук, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли СПбГУ. В 1980 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. С 1996 г. работает в Университете. В 2000 г. защитил докторскую диссертацию. Сфера научных интересов — история экономики и экономической мысли России. Автор более 70 научных публикаций.

Жанна Владимировна ГРОМОВА — аспирант кафедры истории экономики и экономической мысли СПбГУ. В 2002 г. окончила Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Сфера научных интересов — история развития историко-экономической науки в России.

© И. А. Благих, Ж. В. Громова, 2010

Философский энциклопедический словарь (1983) определяет эклектику как «соединение разнородных взглядов, идей, принципов или теорий» [18, с. 789], хотя в своем исходном значении древние греки называли эклектиком человека мыслящего, *способного выбирать*, при этом выбор основывался на «расчленении» догм, от которых невозможно отказаться по доктринальным соображениям¹.

Н. Х. Бунге не соединял разнородные теории. Как писал тот же С. Загорский, «он находил значительные неправильности» принципиального характера в концепциях А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж. Ст. Милля, Ч. Кери, Ф. Бастиа, В. Рошера и К. Менгера. Его «Исторический очерк экономических учений», вышедший из печати в 1868 г., составлен в основном из статей, опубликованных за 10 лет (1858–1868), где он «подробно и критически исследовал труды наиболее выдающихся экономических мыслителей» [19].

Научно-педагогическая карьера Н. Х. Бунге началась довольно рано и складывалась вполне успешно. В 24 года, защитив магистерскую диссертацию на тему «Исследование начал торгового законодательства Петра Великого» (1847), он был утвержден профессором высшего учебного заведения — лицея князя Безбородко в г. Нежине. Через три года Н. Х. Бунге — профессор политической экономии и статистики в Императорском университете Святого Владимира в Киеве. В 36 лет Николай Христианович возглавил Киевский университет в должности ректора и был избран членом-корреспондентом Императорской Петербургской академии наук. С 1890 г. Н. Х. Бунге — действительный академик. В статьях о Бунге обычно упоминается, что, будучи профессором политэкономии, он в 1869 г. возглавил кафедру полицейского права. Современному читателю следует, наверное, пояснить, что полицейское право того времени соответствует современному понятию «экономическая и налоговая политика». Как подчеркивалось последующими исследователями его творчества, «при изложении теории экономической политики Бунге не ограничивается одними общими началами, так как, по его мнению, изучение одних общих законов без связи с фактами, в которых эти законы обнаруживаются, легко вырождается в сухую и отвлеченную схоластику, могущую иметь определенный интерес для специалистов, но бессильную разрешить жизненные вопросы» [20, с. 68].

В должности ректора Университета Николай Христианович состоял почти 20 лет. Небольшой перерыв в конце 1870-х годов произошел по причине его занятий по политической экономии и финансам с сыном Александра II — Николаем Александровичем. В 1880 г. Н. Х. Бунге был назначен товарищем министра финансов, а в 1881 г. — министром финансов. При назначении он заявил Александру III, что «считает себя теоретиком, не довольно подготовленным к самостоятельному управлению Министерством финансов», но царь счел это заявление неубедительным аргументом. Назначение состоялось и «в обществе было встречено с полным сочувствием и большими надеждами» [21, с. 200].

Надежды, которые питало общество в связи с назначением Бунге на должность «механика сложной машины, именуемой финансами Российской империи» [22, с.4], вызывались безупречной репутацией Николая Христиановича. Для политической и экономической элиты того времени характерна массовая коррумпированность, что было существенной проблемой для страны в целом и министра финансов в частности. Это явление не было распространенным ранее взяточничеством и «кормлением». В условиях первоначального капиталистического накопления, когда «из ничего» составлялись огромные состояния железнодорожных «королей», биржевиков, строительных подрядчиков и других дельцов из разночинной среды, правящая элита была втянута в процесс накопления или, говоря языком того времени, «составления капиталов». И предшественник Н. Х. Бунге — А. А. Абаза, и сменивший его А. И. Вышнеградский, не только были ставленниками железнодорожных

воротил, но и получали от них за услуги разного рода своеобразные «тантьемы». Состояние А. И. Вышнеградского, например, выросло с 1 млн до 25 млн рублей не без посредничества известного железнодорожного и биржевого дельца С. С. Полякова [23, с. 78–79].

Забегая вперед, поясним, какое непосредственное отношение к взглядам и деятельности Н. Х. Бунге имеет вышеприведенное описание. Его отставка с поста министра финансов была инспирирована М. Н. Катковым [21, с. 202]. Причина? Слишком подозрительное и необъяснимое с точки зрения сложившихся правил должностное поведение Николая Христиановича. При Бунге Министерство финансов не функционировало как коммерческое предприятие (хотя были обвинения и в этом²), а сам министр не составлял личных капиталов и довольствовался жалованием. Это было до того странно, что современники и последующие биографы объясняли необычное поведение министра тем, что Бунге был холост, не имел семьи, наследников и у него была единственная слабость: чтение «старой» отечественной и зарубежной экономической литературы. Все свое нажитое имущество Н. Х. Бунге завещал Киевскому университету. Оно состояло из большого собрания книг по исторической, политико-экономической и правовой литературе и 6 тыс. рублей, на которые в Университете была учреждена ежегодная премия за лучшую студенческую работу на политико-экономическую тематику и выдавалось пособие нуждающимся отличникам [24].

Н. Х. Бунге был идеалистом в самом лучшем понимании этого слова. Ученик Бунге Д. И. Пихно, ставший со временем крупным ученым и политиком, влиятельным пропагандистом взглядов киевской экономической школы, вспоминал о своем учителе: «Что влекло нас, молодых студентов, к этому осторожному мыслителю, аудитория которого была полна слушателей, и почти каждый выпуск давал молодых экономистов, с увлечением работавших под его руководством? Это была не одна мощная сила его ума и учености, перед которой мы преклонялись. У нас была другая, более интимная, невидимая постороннему глазу духовная связь. Молодым сердцем мы чуяли, что в нашем осторожном и сдержанном профессоре, в нашем холодном мудреце, как мы его в шутку называли, есть что-то нам родное и близкое. Этот холодный с виду мудрец был весь проникнут *недостижимым нравственным идеализмом*, за его ироничной улыбкой, которая так часто смущала и которой мы так боялись, от нас не скрывалось нежное, любящее, отзывчивое и бесконечно доброе сердце» [25, с. 59].

Идеализм несовместим с краеугольным камнем учения классической школы — *laissez faire, laissez passer*» (пусть идет, как идет). Ущербность либеральной школы состояла, по мнению Бунге, «в предположении существования одного естественного хозяйственного порядка, *предустановленного провидением*, и в признании коренным условием для осуществления этого порядка и зависящего от него благосостояния — *одного* проявления интересов, а именно частных. Между тем на деле хозяйственное устройство человеческих обществ не есть нечто совершенно *однообразное*; оно развивается вместе с успехами образования, благосостояния и нравственности, вместе с расширением круга деятельности и общественной власти, и индивидуальной инициативы. Общество благоустроенное не есть неизбежная форма свободно сложившихся частных отношений, как пропагандируют последователи Смита, — это результат *непрерывного совокупного действия правительства и народа*» [15, с. 46].

Личное убеждение в *непрерывном* совокупном действии власти и народа свидетельствует, что Николая Христиановича как государственного деятеля не следует причислять ни к правым, ни к левым реформаторам, ни к реформаторам вообще. Сопоставляя реформы Николая I и Александра II, Н. Х. Бунге отмечал, что как в том, так и в другом случае

поддерживались «неподвижность и отсталость народных масс». При реформах Николая I это вызывалось тем, что «государство хотело все сделать само, устраняя инициативу частных лиц и в умственной жизни, и в промышленной деятельности, и в общественной предприимчивости, и в заведовании местными внутренними делами. Общественная жизнь низводилась на степень механизма, которым должны управлять опытные администраторы — государственные чиновники». При Александре II тот же «абсентеизм» (безразличие) и забитость «освобожденного от помещика русского крестьянства» вызывались усилением податного гнета (добавились выкупные платежи); подушной податью и паспортной системой, по-прежнему прикрепляющими крестьянина к земле и сельскому «миру»; зверствами урядника, пришедшего на смену помещику; «появлением в деревне ловких людей». К ним еще, по словам Николая Христиановича, «примешалось и крупное заблуждение, именно что общественная жизнь во всех сферах — крестьянской, городской, земской, в промышленности, в народном образовании — может развиваться совершенно правильно без всякого подчинения какому бы то ни было контролю, находя средства сложиться и устроиться сама собой» [26, с. 207].

В одном из своих первых всеподданнейших докладов (1883) Бунге следующим образом определил направление экономической политики на время отпущенных ему полномочий: «Изучение слабых сторон нашего государственного строя указывает на необходимость обеспечить правильный рост промышленности достаточным для нее покровительством: укрепить кредитные учреждения на началах, проверенных опытом, способствуя притом удешевлению кредита; усилить в интересах народа и государства доходность железнодорожных предприятий, установив над ними надлежащий контроль; упрочить кредитное денежное обращение совокупностью направленных к достижению этой цели постепенно проводимых мер, ввести преобразование в системе налогов, сообразные со строгой справедливостью и обещающие приращение доходов без обременения плательщиков податей; наконец, восстановить превышение доходов над расходами (без чего улучшение финансов немислимо) ограничением сверхсметных кредитов и соблюдением разумной бережливости во всех отраслях управления» [26, с. 199].

Из этой программы Бунге как министру финансов не удалось выполнить задачу превышения доходов над расходами вследствие значительных расходов на срочное погашение государственных займов, произведенных до него. Во всем же остальном, как отмечали современники, «время управления Бунге явилось, действительно, выдающейся эпохой в истории русских финансов» [27, с. 19].

Одним из первых реализованных мероприятий стало понижение выкупных платежей, которое Бунге считал необходимым для улучшения благосостояния сельского населения и которое настоятельно вызывалось тем, что с крестьян фактически взыскивалось больше, нежели полагалось по обязательствам выкупной операции. Понижение было произведено в размере одного рубля с каждого обложенного выкупными платежами душевого надела. Общая сумма понижения налогового бремени с крестьянских хозяйств составила более 12 млн рублей в год.

В 1885 г. Бунге вошел в Государственный совет с представлением об отмене подушной подати, составляющей со времен Петра I основу российской фискальной системы. Эта мера должна была уменьшить налоги и, соответственно, ресурсы государственного казначейства на 57 млн рублей. Часть бюджетных потерь предполагалось возместить увеличением налога на спирт (что, как налоговая тягота, перелagалась на откупщиков), а часть — увеличением оброчной подати с государственных крестьян, поскольку они жили в целом значительно лучше бывших помещичьих крестьян. Государственный со-

вет, однако, решил перевести государственных крестьян на выкуп, который представлял собой (вследствие его принудительности) не что иное, как замаскированное увеличение оброчной подати, что изначально и открыто предлагал Николай Христианович. Законом от 12 июня 1886 г. был установлен обязательный выкуп для государственных крестьян.

Отмена подушной подати должна была повлечь за собой и отмену круговой поруки. В 1885 г. Бунге в своем представлении Государственному совету, указывая на разорительные последствия такого способа взыскания налогов, вызывающего, с одной стороны, «прикрепление крестьян к земле паспортной системой», а с другой — «стремление самовольной отлучки для приискания лучших заработков», высказался за отмену круговой поруки. Государственный совет не согласился с доводами министра финансов, и круговая порука была трансформирована для взимания налогов с хозяйств (и в этом был несомненный успех Н. Х. Бунге), личность крестьянина освобождалась от круговой поруки. Во всяком случае, уничтожением подушной подати и понижением выкупных платежей бывшие помещицы крестьяне обязаны исключительно Николаю Христиановичу. Для министра финансов, задачей которого является накопление и сбережение казны, Бунге совершил чрезвычайно смелый шаг, отказавшись от доходов до 70 млн рублей в то время, когда бюджет был стабильно дефицитен.

Дефицит бюджета был вызван в том числе и двумя подряд годами повсеместного неурожая (1884 и 1885 гг.). Однако меры, предпринятые Бунге по снижению налогового гнета, позволили крестьянам пережить голодные годы за счет резервов и запасов. Упал вывоз хлеба за границу, что вызвало понижение курса рубля с 64,2 копеек золотом до 58,9. При этом следует иметь в виду «таможенную войну» Германии против России и целенаправленные спекуляции на берлинской бирже на понижение курса русского рубля. Если сравнить налоговую политику Бунге с прямо противоположной политикой, проводимой его преемником — профессором математики и механики А. И. Вышнеградским, то история говорит в пользу «эклектического выбора» Николая Христиановича.

Н. Х. Бунге на посту министра финансов оставался экономистом и мыслил далее каких-либо математических вычислений. Будучи экономистом по профессии, он был ученым по призванию и действовал в интересах науки, а не личной выгоды. Таких редко понимают и к ним редко прислушиваются. А. А. Половцов, попавший в члены Государственного совета благодаря заслугам и деньгам своего тестя — придворного банкира А. Л. Штигица, вспоминал: «Бунге, маленький, весь съездившийся старичок с улыбкой вольтеровской статуи, скромно выступает в столь многочисленных денежных вопросах, говорит хорошо, но отступает при сколько-нибудь упорном натиске, а по уступчивости способен не сделать ожидаемого ... это ученый, привыкший излагать мысли без всякой уверенности, что они перейдут в дело» [28, с. 159]. В этих словах заключена, конечно же, характеристика не Бунге, а взгляд элиты того времени на «государственных мужей».

Как вспоминал В. И. Ковалевский, работавший с Бунге в бытность его министром финансов, «Бунге был первым и, наверно, последним на моем веку министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий “финансизм” — исключительная забота о государственных финансах в узком смысле — должен быть заменен “экономизмом” — широкой экономической политикой, направленной к развитию народного труда и производительных сил страны, и что хотя бы только удовлетворительного финансового положения государства нельзя достигнуть при бедности, бесправности и темноте массы населения» [24, с. 61]. По наблюдению работавших с ним в Министерстве финансов сотрудников, Бунге был тверд. Эта твердость, как и его человечность, не проявлялась во внешних эффектах. В коррумпированной среде, где господствует групповщина, кла-

новость, повязанность в «делах», ему приходилось лавировать и искать компромиссы, необходимые при совмещении полезной теории с нужной практикой. И он много успел сделать полезного и необходимого.

Бунге добился учреждения фабричной инспекции, наблюдающей за условиями труда и быта рабочих. При нем было принято первое фабричное законодательство (1882), изданы правила найма на работу и надзора за их исполнением отечественными капиталистами (1886), все еще остающимися в обращении с работниками «купцами дикими». Как писал М. И. Туган-Барановский, исследовавший русскую фабрику в ее прошлом и настоящем, Бунге был «первым провозвестником в официальной России необходимости социальной политики» [29, с. 32].

Николай Христианович был человеком устоявшихся убеждений. Добившись от Александра III разрешения строго контролировать сверхсметные расходы, он, «казавшийся бессильным бороться с мухой, превращался в Геркулеса железной воли и не только министру, но и государю говорил “невозможно” в ответ на просьбу денег» [30, с. 215]. Ничто так не развращает власть, как раздача полученных с народа денег просто так, «с барского плеча», ибо она, писал Н. Х. Бунге, «основывается на соображениях, которые ни самого министра финансов, ни других министров, к нему обращающихся, ни к чему не обязывают; уступки становятся неизбежными, и вместо того, чтобы явиться... *оберегателем государственных интересов и блюстителем справедливости*, министр финансов становится *ходатаем о случайных милостях*, из коих многие, осчастливив одного получившего, делают десять недовольных между неполучившими, а удовлетворить всех невозможно» [21, с. 215].

Но еще более разрушительным образом воздействует власть на производительные силы народа, когда открыто берет и щедро расходует помощь от лиц, обогащающихся на народном невежестве, ибо люди, веруя, что не оскудеет рука, дающая милостыню, не понимают, что эта щедрость образовалась на деле от их оскудения. Вред от этого двойной: подрывается желание трудиться и зарабатывать трудом и растет неуважение к преумножению народного богатства и хозяйствованию на общее благо. Бунге полагал, что было бы полезно от системы Рейтерна «возвратиться к началам, которых держалось правительство во времена управления графа Гурьева и графа Канкрин» [31, с. 246].

Как известно, Е. Ф. Канкрин в свое время выразил сомнения, что российские частные железнодорожные общества могут «образовать достаточные капиталы игрой на акции на международных биржах» [32, с. 71, 125]. М. Х. Рейтерн, напротив, биржевую игру считал одним из важнейших методов мобилизации народных капиталов на железнодорожное и промышленное строительство. Во время биржевого ажиотажа 60–70-х годов XIX в. в процесс акционирования были вовлечены бывшие помещики, поменявшие свои выкупные свидетельства на акции лопнувших вскоре акционерных обществ, средства от продажи Аляски и Николаевской железной дороги, налоговые поступления казны и даже бюджеты влачивших нищенское существование органов местного самоуправления (земств).

Построенные при таком методе мобилизации народных средств железные дороги обошлись России, по подсчетам А.И. Чупрова, в два раза дороже, чем Германии, а процентные выплаты составляли от 40 до 60% расходов по их эксплуатации [16, с. 530]. Сами железнодорожные общества имели растущие неоплатные долги и не изыскивали способов к их погашению, поскольку полагали, что государство все равно придет на помощь, ибо дороги имеют не только частнокоммерческое, но и народнохозяйственное и социальное значение. При этом члены правлений железнодорожных обществ (куда входили в том числе государственные сановники) не стеснялись выписывать себе вознаграждения, в сотни раз превышающие зарплату инженерно-технического персонала.

Сформированная в годы железнодорожного грондерства финансовая система России была крайне неэффективной. С одной стороны, три четверти инвестиционных ресурсов государства поглощали добывающие и перерабатывающие отрасли, всецело сориентированные на железнодорожное строительство (по этому показателю обычно делался вывод об ускоренном индустриальном развитии России); с другой — до 80% денежных капиталов страны обращалось не в производительной, а в спекулятивной сфере. Предпринимательский доход был гораздо ниже, чем «рентные доходы» на гарантированные государством облигации, «сданные на хранение» в Министерство финансов акции, и доход от разного рода других «чрезвычайных» государственных займов. Валютная выручка, получаемая от вывоза хлеба, полностью уходила из аграрного сектора экономики.

Только с приходом Н. Х. Бунге на пост министра финансов было обращено внимание на то, что домохозяйства, работающие на рынок, не могут пополнять свои оборотные средства продажей имущества, необходимого для организации производства. Колебания покупательной способности рубля имели сезонный характер. Осенью, под давлением податной системы, все сельскохозяйственные производители — и крестьяне, и бывшие помещики продавали хлеб, «не гонясь за ценой». Весной они вновь покупали хлеб на посевную кампанию, но уже по высокой цене. Покупательная способность кредитного рубля следовала за сделками на хлеб, а поскольку кредит отсутствовал, то в оборот вовлекалась «резервная валюта», т. е. серебро. Наблюдался не только отток серебра за границу, но и стабильная тенденция обнищания сельхозпроизводителей.

«Огромное значение для дальнейшего экономического развития России, — отмечалось в исследовании П. Кованько, — имели учрежденные при Бунге новые государственные кредитные установления, однако их введение было делом не простым. Оно затрагивало интересы тех лиц, которые видели в этих действиях посягательство на свою монополию» [20, с. 75]. Николай Христианович при докладе Государственному совету о поземельных банках исходил из того, что хозяйственное расстройство крестьян происходит главным образом вследствие малой производительности крестьянских земельных наделов, которые не обеспечивали прокормление семьи. Поскольку приобретение земель в производственных целях представлялось для крестьян крайне затруднительным ввиду невозможности пользоваться каким-либо кредитом, кроме ростовщического, Н. Х. Бунге выработал проект государственного ипотечного банка для выдачи крестьянам государственного кредита и содействия в увеличении производства (приобретении земли).

Устав банка был Высочайше утвержден 18 мая 1882 г. Ссуды должны были выдаваться 5,5%-ными закладными листами, получившими название государственных свидетельств Крестьянского поземельного банка. По своему уставу банк должен был быть посредником между неграмотными крестьянами и грамотными землевладельцами, которые могли совершить сделку самостоятельно. Однако, по мнению Государственного совета, назначение банка должно было состоять в содействии зажиточным и имеющим возможность гарантировать погашение кредитов, т. е. «достаточным крестьянам», но не малоземельным. Банк начал свои операции 10 апреля 1883 г., и к концу срока прибытия Н. Х. Бунге на посту министра в 1886 г. имел в своем распоряжении запасной капитал в 467,7 тыс. рублей. Наряду с этим банком был открыт также и дворянский банк, который был учрежден специально для «помощи дворянству». По идее Бунге, банк должен был давать ссуды лишь тем дворянам-землевладельцам, которые сами хозяйничают на своей земле. Но Государственный совет принял проект Бунге, устранив всякое ограничение [16, с. 531].

Можно, конечно, на основании изложенного сказать, что Бунге надо было бы проявить твердость, чтобы в Государственном совете прошли именно такие проекты, которые

Бунге продумал с учетом и экономических, и социальных мотивов, с тем чтобы хотя бы ослабить социальное напряжение в стране. Но реально противостоять Государственному совету он, конечно, не мог. В конечном счете малоземельное крестьянство начало самозахват земель и создало революционную ситуацию, поскольку у него не было другого жизненного выбора. В России после отмены крепостного права и ликвидации государственных и помещичьих хлебных «магазинов» страдали от неурожая и голода прежде всего малоземельные домохозяйства, составляющие 70% сельских жителей. Н. Х. Бунге искал механизм, каким образом сделать домохозяйства самодостаточными. Власть же была озабочена сиюминутными рентными доходами. Бунге полагал, что вначале должно быть народное благополучие, а затем — доходы частных банков и государственной казны, но его одинокий голос не был услышан.

Как министр финансов Николай Христианович не мог проводить политику целенаправленного разбазаривания государственных средств. Сформировавшийся механизм перекачки ресурсов из аграрного сектора экономики в промышленно-банковский находил свое оправдание в глазах власти в ажиотажном железнодорожном учредительстве. Однако из многочисленных учрежденных акционерных обществ лишь единицы действительно строили дороги и эксплуатировали их. Но даже те, которые исправно функционировали и приносили доходы, не образовывали собой единую транспортную инфраструктуру.

Н. Х. Бунге ограничил аппетиты железнодорожных «королей» пределом нового железнодорожного строительства «планкой» в 1100 верст в год. Казенные средства на железнодорожное строительство можно было использовать только с целью образования из разрозненных линий *единой сети железных дорог*. Политика жесткой экономии и наведения порядка не только в расходовании казенных средств, но и путем сокращения спекулятивного ажиотажа, искусственно раздуваемого с целью получения сверхдоходов, должны были, по мнению Бунге, способствовать более равносному развитию народного хозяйства.

Для выкупа неэффективных дорог при Бунге было израсходовано до 133,6 млн рублей; казною сооружено железных дорог протяжением в 3461 версту [33, с. 216]. Кроме того, приобретено в казну несколько линий частных, нормально функционирующих обществ. Бунге не считал, что «обращение железных дорог в государственную собственность должно обогатить казначейство». Он говорил, что «со временем железные дороги станут самостоятельной отраслью народного хозяйства, как почта и телеграф». Несмотря на значительные расходы, направляемые на приобретение частных дорог и ведение государственного железнодорожного строительства, несмотря на дефициты от эксплуатации железных дорог, все же именно Н. Х. Бунге, как отмечали экономические издания того времени, содействовал упорядочению железнодорожной политики и связанной с ней финансовой системы.

Управление Н. Х. Бунге Министерством финансов совпало с так называемым националистическим курсом. Идеалы независимости национального хозяйства, на которых особенно настаивал Д. И. Менделеев, требовали от министра финансов покровительственных пошлин. Известное влияние на протекционистское направление политики внешней торговли при Бунге оказал общий подъем таможенно-охранительной волны, которая прокатилась по всей Европе, в том числе и в Германии, и вызвала в 1897 г. значительные перемены в тарифной системе. В 1881 г. в России, в ответ на повышение пошлин со стороны Германии была произведена надбавка на 10% на весь тариф. 16 июня 1884 г. последовало повышение пошлины на чугун, к которому затем присоединились соответствующие повышения на вальцевое железо, сталь, машины и т. п. Была также установлена пошлина

на ввоз каменного угля с дифференцированным обложением угля, поступающего через черноморские порты и через западную сухопутную границу [34].

Указанные события являлись своего рода «непреодолимыми препятствиями» в проведении Николаем Христиановичем обоснованной и последовательной экономической политики. Сам он не был активным сторонником протекционистских мер, в особенности когда раздавались призывы к «поддержке национального предпринимательства» мерами, за которыми следовало повышение цен на продукцию для основной массы народа. Зачастую подобного рода призывы раздавались из среды управленческого персонала предприятий, а сами предприятия были организованы на иностранные займы.

Н. Х. Бунге поразительно чувствовал фальшь пропаганды «естественных» экономических законов, откуда бы она ни исходила — от «нравственных философов» политэкономии капитализма (Смита, Мальтуса, Рикардо, Сэя), или же от «нравственных философов», создавших политэкономии «трудящихся» (Сен-Симона, Фурье, Прудона, Лассаля, Маркса). Сам он не считал собственность, капитал и сословное соперничество вечными и главными движущими силами личности и/или общества. Его аскетическая личная жизнь является вполне достоверным тому подтверждением. Там где господствуют собственность, капитал и соперничество, там «существует и злоупотребление ими, злоупотребление свободой, угнетение слабого и упразднение ответственности тем, что сильный сам себя от нее до поры до времени освобождает» [26, с. 205].

Николай Христианович видел угрозу идей европейского социализма не в том, что они «естественным» образом принуждают капиталистов и правительства помнить о справедливости, а в том, что они принимают форму международного, надгосударственного политического союза. Такой «социализм» представляет смертельный приговор для России, потому что бедность и невежество народа, продажность администрации («администрация наша продажна... начиная от низших полицейских служителей до губернаторов, с редкими исключениями находится на содержании у питейных откупщиков, суды наши... полны неправды черной...») делают невозможной борьбу с более развитыми странами. Бедность, невежество основной массы народа увеличивают опасность международного социализма воплощением его в России в грубые формы [26, с. 211].

Таким образом, отдавая дань научному потенциалу и базирующемуся на нем предвидению Н. Х. Бунге, его социальной честной и последовательной справедливой экономической политике, нельзя не признать, что среди правящей элиты Российской империи подобные личности были в большом дефиците. Несмотря на объективные обстоятельства, «ибо слишком уж сложна была в это время экономическая ситуация в стране, и кардинально выправить ее за несколько лет было не под силу», в исторической судьбе России присутствовал и субъективный момент. Он заключался в том, что ее «государственные люди» не выдержали искушения первоначальным капиталистическим накоплением [35, с. 286–287]. Свое служебное положение они обращали в коммерческую выгоду для себя, смешивая государственную службу и частный «промысел». В конечном итоге ситуация, которую пытался предотвратить Н. Х. Бунге как ученый и государственный деятель, разразилась впоследствии революцией...

¹ Этот термин ввел в историю науки Потамон из Александрии во II веке н. э., т. е. в период расцвета александрийской философской школы. Назвав свою школу *электической*, Потамон, очевидно, хотел подчеркнуть, что его школа учит самостоятельно мыслить, учит *разъединять* и выбирать из того, что было кем-то, для каких-то целей соединено.

² «К великому, но увы, несомненно, действительному горю России, теперь финансы ее в руках *опасных* людей, и опасных именно для Государя и Государства людей. Бунге сам вне всякого упрека. Это почтенный и честный

человек! Но горе в том, что он окружен не только либералами, но прямо врагами нынешнего монархического строя России. В Министерстве финансов свили себе гнездо все ультралибералы, и люди, как те, которые орудут в Министерстве финансов, прикрытые разными минами, положительно опасные люди...» (Из переписки Александра III и князя В. П. Мещерского [36]).

1. Бунге Н. Х. Исследование начал торгового законодательства Петра Великого // Отечественные записки. 1850. № 2. С. 273–282.
2. Бунге Н. Х. Теория кредита. Киев, 1852.
3. Бунге Н. Х. Промышленность и ее ограничения // Отечественные записки. 1856. № 11. С. 161–179.
4. Бунге Н. Х. Гармония хозяйственных отношений. СПб., 1860.
5. Бунге Н. Х. Курс статистики: В 2 ч. Киев, 1865.
6. Бунге Н. Х. Исторический очерк экономических учений и обозрение различных отраслей хозяйственной деятельности. Киев, 1868.
7. Бунге Н. Х. Полицейское право: В 2 т. Киев, 1869–1870.
8. Бунге Н. Х. Основания политической экономии. Киев, 1870.
9. Бунге Н. Х. Налоги и государственные долги: Курс лекций проф. Бунге Н. Х. СПб., 1871.
10. Бунге Н. Х. Русские бумажные деньги (Перевод соч. А. Вагнера с дополнениями, комментариями и замечаниями проф. Бунге Н. Х.). Киев, 1871.
11. Бунге Н. Х. Товарные склады и варранты. Киев, 1871.
12. Бунге Н. Х. Банковские законы и банковская политика // Сб. государственных знаний. Т. 1. СПб., 1874.
13. Бунге Н. Х. О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877.
14. Бунге Н. Х. Государственное счетоводство и государственная отчетность в Англии. СПб., 1890.
15. Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895.
16. Бунге Н. Х. Загробные заметки // Судьбы России. СПб., 2007.
17. Бунге Николай Христианович // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии: В 12 т. Т. 2. М., 1993 (репр. издание 1912 г.).
18. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
19. Загорский С. Бунге Николай Христианович. URL: <http://www.rulex.ru/102985.htm> (дата обращения: 14.04.2010).
20. Кованько П. Главные реформы, проведенные Бунге в финансовой системе России. Киев., 1901.
21. Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в.: Документы и мемуары государственных деятелей. СПб., 2007.
22. Витте С. Ю. Воспоминания. В 2-х т. Т. 2. М., 1960.
23. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Л., 1991.
24. URL: <http://www.ibdarb.ru/history/element.php?n=176> (дата обращения: 14.04.2010).
25. Абалкин Л. И. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.; Тамбов, 2009. С. 59.
26. Бунге Н. Х. Загробные заметки // Река времен. Кн. 1. М., 1995.
27. Замечательная эпоха в истории русских финансов. СПб., 1895.
28. Дневник государственного секретаря А. А. Половцева: В 2 т. Т. 1. М., 1966.
29. Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб., 1913.
30. Ковалевский В. И. Из старых заметок и воспоминаний // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2.
31. Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии: В 3 ч. СПб., 1894.
32. Чуров А. И. Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны: В 2 т. Т. 1. М., 1875.
33. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета министров / Под ред. А. Н. Куломзина. Т. 2. СПб., 1902.
34. Ананьич Б. В. Николай Христианович Бунге. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article/php?nid=21935> (дата обращения: 14.04.2010).
35. Богомазов Г. Г., Блажих И. А. История экономики и экономической мысли России. М.: Экономика. 2010. 36. ГАРФ. Ф. 667. ОП. 1. Д. 108. Л. 16. 14.04.2010.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2010 г.